

Моск. Вед. Моск. 1892. Авг.

— Московскій Малый Театръ и вообще прошлое Московскаго театра гораздо меньше иллюстрировано въ различныхъ мемуарахъ и воспоминаніяхъ чѣмъ Петербургскій театръ, хотя прошлое Московскаго театра не менѣе славно громкими именами. Тѣмъ пріятнѣе встрѣчать воспоминанія о дѣятеляхъ нашего Малаго Театра. Одно изъ такихъ воспоминаній представляетъ замѣтна артиста Императорскихъ театровъ М. М. Лаврова, помѣщенная въ августовской книжкѣ *Дневника Артиста* и касающаяся покойнаго Н. М. Никифорова, одного изъ талантливейшихъ представителей нашей драматической сцены. Къ сожалѣнію, г. Лавровъ сообщаетъ очень мало новыхъ данныхъ для біографіи Никифорова. Случай съ Никифоровымъ въ дѣтствѣ, когда въ 1812 году одинъ изъ непріятельскихъ солдатъ чуть было не убилъ его, тогда еще семилѣтняго мальчика, шедшаго съ отцомъ по улицѣ, сообщенъ былъ покойнымъ В. И. Родиславскимъ (*Русскій Архивъ*, 1876, № 9, стр. 128). Точно также извѣстно какъ Никифоровъ отпарировалъ написанное на двери его уборной слово *лакейская*, прибавивъ въ этому слово *шутка*. Г. Лавровъ сообщаетъ что слово *лакейская* было написано артистомъ К. П. Колосовымъ на влочки, повѣшенномъ на зеркалѣ, предъ которымъ одѣвался Никифоровъ. Изъ другихъ остротъ, которыми славился Никифоровъ, г. Лавровъ приводитъ одну. Тотъ же Колосовъ, съ которымъ Никифоровъ устраивалъ цѣлыя состязанія въ остроуміи, здороваясь такъ то съ товарищами и замѣтивъ сидящаго въ углу Никифорова, принявъ видъ важнаго человека и, не подавая руки, бросилъ ему фразу: „здорово, товарищъ!“ Никифоровъ моментально отвѣтилъ: „я не гусь“. Г. Лавровъ утверждаетъ что Никифоровъ не совсѣмъ внимательно относился къ изученію своихъ ролей и выручали его лишь артистическое чутье и талантъ. Въ уборной на своемъ столѣ онъ никогда не заготавливалъ нужныхъ для спектакля париковъ; то же было и относительно костюмовъ. Самъ онъ предъ спектаклемъ всегда сидитъ у столика съ табатеркой и напѣваетъ какую-нибудь любимую пѣсенку. Если онъ въ веселомъ настроеніи, то напѣваетъ: „Мы живемъ среди полей“, если въ грустномъ, то „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“. По этимъ пѣсенкамъ можно было почти безошибочно опредѣлить его душевное состояніе. Наступаетъ время одѣваться. Никифоровъ начинаетъ примѣрять одинъ, другой парикъ и, остановившись на какомъ-нибудь изъ нихъ, обращается съ вопросомъ къ своимъ товарищамъ по уборной: „а, чтѣ, дружечекъ, хорошъ паричекъ?“ Отвѣтъ получается утвердительный. Тогда онъ навлеиваетъ или жиденькія бакенбарды или рваную бороденку, дѣлаетъ на лицѣ нѣсколько красныхъ пятенъ и получается прекрасный гримъ, получается лицо выхваченное прямо изъ жизни. Никифоровъ большею частію игралъ приказныхъ, спившихся мелкихъ чиновниковъ, чиновниковъ-взяточниковъ и всевозможныхъ ябедниковъ. Даже такія незначительныя роли, какъ роль г. Н. въ комедіи *Горе отъ ума*, въ его исполненіи являлись выдающимися.